

РОМАН ОЛЬГИ КАТУНЬ

ОБНИМИ МЕНЯ, СИРЕНЬ

Ольга Катунь

Обними меня, сирень

«Автор»

2026

Катунь О.

Обними меня, сирень / О. Катунь — «Автор», 2026

Десять лет она верила в предательство. Десять лет он не знал, почему она исчезла. Их снова столкнула судьба - но время не вернуть, а ложь оказалась сильнее, чем оба могли представить. Сирень цветёт, а правда всё ближе.

© Катунь О., 2026

© Автор, 2026

Ольга Катунь

Обними меня, сирень

Глава 1

Глава 1

Сирень в этом году пахла так горько, что у Веры сжималось горло. Запах был вязкий, как варенье, с привкусом прошлогодней травы и чего-то ещё, неуловимого, далёкого. Как тогда, десять лет назад. Когда она в последний раз видела Сашу. Своего Сашу — тёмные глаза, вечно отросшую чёлку, тёплые ладони, которые он прятал в карманы, когда волновался.

Они выросли вместе. Почти с пелёнок: их дома смотрели друг на друга заспанными окнами, общая улица, общие дворы. Вера помнила себя с пяти лет — и Сашу с того же возраста. Сначала мальчишка, который дёргал за косичку. Потом подросток, с которым можно было молчать на скамейке. А потом — тот самый, единственный.

Вере тогда было шестнадцать. Худенькая, с длинной косой — она читала запоем, пряталась от дождя на чердаке и закапывалась в сирень с головой, когда мир становился слишком громким.

В глубине сада стояла маленькая старая скамеечка — отец сколотил её для Веры, когда та была совсем маленькой. Там, в зарослях сирени, она пряталась от детских обид, которые казались концом света. От непонятных взрослых слов, от которых становилось страшно. От первого поцелуя — когда сердце стучало так, что, казалось, его слышно на всю улицу. Вера забиралась на скамеечку с ногами, обнимала колени руками и шептала: «Обними меня, сирень». И та обнимала — густой листвой, душным запахом, тишиной, которой можно было доверить все свои тайны.

Саше тогда было семнадцать. Он уже работал в местном хозяйстве, помогал отцу, по вечерам играл на гитаре — три аккорда, которые выучил сам. Пахло от него свежескошенной травой и летом. При Вере он вдруг становился неуклюжим, краснел, терял слова. Она его дразнила. Он терпел.

Они мечтали уехать вместе. В город, где по вечерам зажигаются фонари и можно гулять допоздна, не боясь темноты. Саша говорил: «Построим дом, заведём собаку, будем смотреть, как сирень цветёт уже в нашем саду». Вера смеялась и кивала. Тогда ей казалось, что всё просто. Что любовь — это когда двое смотрят в одну сторону и никуда не сворачивают.

Мать Сашу считала иначе. Она боялась, что сын женится рано, не выучится, не сделает карьеру — застрянет в деревне навсегда. Она полагала, что Вера была для него соблазном, от которого ему следует держаться подальше. Саша не обращал внимания на материнские запреты. Он всё равно тайком приходил к Вере, и они прятались в густых сиреневых зарослях — там, где их никто не видел и не слышал.

На следующий год Саше исполнилось восемнадцать. Его забрали в армию. Вера ждала. Считала дни до дембеля, перечитывала его весточки по ночам, гладила пальцами сгибы конвертов. В то время она училась в институте в областном городе, но каждые выходные рвалась

в деревню — к бабушке, к дому, к той самой скамейке, где они сидели с Сашей в сиреневых зарослях до зари.

Время шло. Саша служил. Вера ждала, не роптала. Письма приходили всё реже, а потом и вовсе перестали. А когда молчание затянулось, она приехала к бабушке. Они сидели на кухне. Вера сначала щебетала — про их с Сашей планы, про город, про то, как они поженятся, когда он вернётся. Потом замолчала и тихо сказала: «Письма от него перестали приходиться, ба. Совсем. Я не знаю, что думать». Бабушка слушала, перебирала крупу, вздыхала. Долго молчала. Потом тихонько сказала, не глядя на внучку:

«Ты прости меня, Верушка. Я не могу молчать. Ко мне Сашина мать давеча заходила. Сказала, что он на другой женится и в деревню совсем не вернётся. Не жди, не жди ты его, милая».

Вера не могла поверить в услышанное. Она замерла и просто смотрела на бабушку широко раскрытыми глазами. Лицо её стало бледным, будто вся кровь ушла куда-то вглубь. Пальцы сильно сжимали кружку — побелели, занемели, но она не чувствовала этого.

Бабушка тихо вздохнула, шагнула к Вере, протянула руки — хотела обнять, прижать к себе, как в детстве. «Верушка...» — но Вера не откликнулась. Даже не вздрогнула. Сидела, глядя в одну точку, и молчала.

Бабушка опустила руки и тихо сказала: «Прости, родная. Не могу я молчать. Тяжело мне на тебя смотреть — ждёшь, веришь, а он...»

Вера молчала. Потом медленно, словно сама не своя, отодвинула кружку и спросила:

«Ты сама-то веришь, ба?»

Бабушка пожала плечами. Руки Веры, ещё минуту назад сжимавшие кружку, бессильно упали на колени. Она смотрела в одну точку — туда, где за окном темнела сирень. И вдруг выдохнула — не голосом, а всем телом:

«Так вот почему он перестал писать... Вот почему...».

Бабушка не ответила. Вера поднялась и, не оглядываясь, ушла в свою комнату. Не хлопнула дверью, не заплакала. Просто закрыла за собой дверь и села на кровать в темноте, обняла колени и прижалась подбородком к рукам. Дыхание её было тяжело, прерывисто, но она не плакала. За окном сирень швыряло ветром, она хлестала по стёклам, и каждый удар отдавался где-то в груди, но Вера не вздрагивала. Только сжималась всё сильнее, будто пыталась стать маленькой-маленькой, чтобы спрятаться от этой боли.

На следующий день она уехала в город. Навсегда. Бабушка не удерживала. Только сунула в дорогу пирожков, погладила по голове и перекрестила вслед.

Вера уехала и не возвращалась десять лет. Слишком больно было ступать на эту землю. Видеть эту сирень, эту скамейку, где они сидели с Сашей. А ещё больнее — увидеть самого Сашу. Бабушка её понимала. Приезжала сама, сидела на кухне в городской квартире, пила чай из другой кружки и не спрашивала ни о чём. А потом случилось то, чего Вера боялась больше

всего... И она бросилась в деревню — прямо с поезда, не заходя в дом, не переодевшись. Она не шла, она бежала, боясь, что не увидит бабушкиного лица, что не успеет с ней попрощаться.

Она успела. На кладбище уже собрались люди. Соседка баба Клава шагнула к ней, хотела обнять, что-то сказать — но Вера ничего не слышала. Не видела. Прошла мимо, как сквозь воду.

Гроб стоял на краю могилы, на двух свежеструганных досках. Ещё не опустили. Вера подбежала, упала на колени прямо в сырую траву, обжигаясь о комья земли. Припала к краю гроба и посмотрела на бабушкино лицо — оно было маленькое, сморщенное, в ситцевом платочке, завязанном узлом под подбородком. Тихое, блаженное выражение застыло на её лице. И краешек губ — чуть приподнят, будто она улыбалась. Или только собиралась.

«Я здесь, ба. Я успела. Ты слышишь меня, ба? Прости. Пожалуйста. Прости», — прошептала Вера. Голос не слушался, слёзы душили, но она держалась. Сжимала зубы, не давала себе разрыдаться. А потом глаза начало жечь — невыносимо, сухо, будто внутрь насыпали песка. Горло сжалось, дышать стало нечем. Вера прижала ладонь к груди — там, где должно было биться сердце, зияла пустота. В один миг её сердце осиротело. Слёзы лились ручьём, но Вера не издала ни звука. Только тряслась в беззвучном плаче, сотрясаясь всем телом.

И вдруг — сквозь дрожь, сквозь пустоту — она ощутила на голове чью-то ладонь. Тёплую, живую, нездешнюю. Пальцы легко прошли по волосам, задержались на макушке. Вера замерла. Только сердце пропустило удар. Она боялась оглянуться и увидеть пустоту. Но взгляда от бабушкиного лица не отводила. Боялась, что та исчезнет, если она моргнёт.

Когда гроб начали закрывать, она очнулась. Поднялась на ноги, колени намокли от сырой травы, плащ был в земле и траве. Она перекрестилась и прошептала: «Прощай, ба» — и отошла в сторону.

Баба Клава взяла Веру под руку, тихо сказала: «Пойдём, милая. Помянуть надо. Не одной же тебе». Вера не сопротивлялась. За столом у бабы Клавы собралась вся деревня. Вера села к краю и сидела как в тумане: не слышала, о чём говорят люди, не видела их лиц, не чувствовала запаха стряпни. Когда все разошлись, баба Клава сказала: «Оставайся, Верочка, переночуешь у меня. Негоже тебе одной сейчас». Вера покачала головой, до сих пор не веря в произошедшее, и ответила: «Нет, спасибо, баб Клава. Я в бабушкин дом пойду».

Баба Клава вздохнула: «Ну смотри, милая. Как знаешь. Но если что — я рядом». Помолчала, потом достала из кармана фартука старый ключ на синей изоленте, протянула Вере: «Держи, Верочка. Бабушки не стало, а ключ у меня остался. Твой он теперь». Вера взяла ключ, сжала в ладони. Металл был холодным, а изолента — чуть липкой и тёплой, как живая.

Она пошла по тропинке к бабушкиному дому — не спеша, но и не останавливаясь. На двери висел замок. Вера вставила ключ, повернула, и открыла дверь. На неё пахнуло валерианой, старой шубой, детскими воспоминаниями и пирогами, которых уже никогда не будет.

В сенях было полутемно и прохладно. Вера шагнула из сеней в комнату. Провела рукой по косяку — дерево было шершавое, с занозами. Где-то за печью тихо цокнул сверчок и замолк. Половица под ногой жалобно скрипнула — бабушка всегда говорила, что это дом вздыхает, когда радуется гостям. Но сейчас единственной гостью была Вера.

В комнате было полутемно. В углу тускло мерцали иконы, на столе белела бабушкина кружка — Вера не решилась подойти. Она прошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Прямо за ним росла та самая сирень. Лиловая, мокрая, тяжёлая. Сирень помнила её. Вера не знала, помнит ли она саму себя.

Горе накрыло её с головой, оставив внутри звенящую пустоту. Вера опустилась в старое бабушкино кресло у окна прямо в дорожном плаще, поджала ноги и привалилась щекой к мягкому подлокотнику. Веки тяжелели, сознание уплывало.

Ей почудилось, что бабушка снова рядом, гладит по голове и шепчет: «Спи, родная. Всё будет хорошо».

«Ты здесь, ба?» — прошептала Вера, уже проваливаясь в сон. И не услышав ответа, уснула.